

АРТЕМ САВЕНКОВ

ПОКА ВЫ СЧАСТЛИВЫ

Арте́м Саве́нков

Пока вы счастливы

«Автор»

2026

Савенков А.

Пока вы счастливы / А. Савенков — «Автор», 2026

В Реченске умеют радоваться простому: тёплому хлебу, празднику во дворе, хорошей работе. Здесь помнят каждого, помогают соседям и уверенно смотрят в будущее. Уехать трудно, но у всякой задержки находится разумная причина. Слесарь Антон Лунёв не собирается менять жизнь. Во время ночной аварии он проходит дальше, чем следовало, и обнаруживает мир, который совсем иначе смотрит на его родной город. Теперь у него есть деньги, удобное жильё и женщина, рядом с которой хочется остаться. Но самое трудное начинается, когда Антон получает возможность выбирать: что рассказать близким, какой ценой купить спокойствие и можно ли вернуться домой, зная о нём слишком много. Социально-психологический роман о любви, стыде и человеческой потребности быть нужным.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Пока не остыло	7
Глава вторая. Папка для новой жизни	12
Глава третья. Неправильно одетые	15
Глава четвёртая. Ведомственная дорога	18
Глава пятая. Чужая книга	21
Глава шестая. За праздничным столом	24
Глава седьмая. Ни одного чемодана	27
Глава восьмая. Слишком хорошая память	29
Глава девятая. Вода под дорогой	32
Глава десятая. Другая остановка	34
Часть вторая	36
Глава одиннадцатая. Вы из какой серии?	37
Глава двенадцатая. Под левым крылом	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артем Савенков

Пока вы счастливы

АРТЕМ САВЕНКОВ

ПОКА ВЫ

СЧАСТЛИВЫ

Роман

2026

Аннотация

В Реченске умеют радоваться простому: тёплому хлебу, празднику во дворе, хорошей работе. Здесь помнят каждого, помогают соседям и уверенно смотрят в будущее. Уехать трудно, но у всякой задержки находится разумная причина. Слесарь Антон Лунёв не собирается менять жизнь. Во время ночной аварии он проходит дальше, чем следовало, и обнаруживает мир, который совсем иначе смотрит на его родной город. Теперь у него есть деньги, удобное жильё и женщина, рядом с которой хочется остаться. Но самое трудное начинается, когда Антон получает возможность выбирать: что рассказать близким, какой ценой купить спокойствие и можно ли вернуться домой, зная о нём слишком много. Социально-психологический роман о любви, стыде и человеческой потребности быть нужным.

© Артем Савенков, 2026

Реченск - вымышленный город. Персонажи и события романа вымышлены.

Часть первая

Хорошее место

Глава первая. Пока не остыло

В тот четверг Антон Лунёв вышел за хлебом раньше обычного, потому что мать попросила купить батон с верхней полки, где корочка не отсыревала от стены. Он мог бы сказать продавщице, чтобы та выбрала посуше, но Зинаида Павловна не доверяла чужому пониманию сухости. Ей непременно требовалась верхняя полка, правый край, второй батон от дверцы. Сама она всё ещё ходила в магазин и безошибочно находила там то, чего сыну ни разу не удавалось купить без объяснений.

На кухне осталось приоткрытое окно. Пока Антон обувался в прихожей, мать дважды спросила, закрыл ли он его; на второй раз он ответил, что закрыл, хотя закрывать не собирался. Из подвала опять тянуло сыростью, и за ночь этот запах добрался до хлебницы.

- Тогда ключ возьми, - сказала она.

Ключ уже лежал у него в кармане. Он потрогал его через ткань и почему-то всё-таки вернулся к тумбочке.

Мать сидела у кухонного стола в выцветшем платье, поверх которого накинула кофту. Правую ногу вытянула на низкую скамеечку. За окном было ещё вполне лето, но в квартире на первом этаже август заканчивался раньше, чем в остальных местах.

- Ты чего вернулся?

- Посмотреть.

- Что смотреть? Иди, пока свежий.

Он кивнул, будто получил необходимое уточнение, и вышел.

Во дворе Семён Аркадьевич прикручивал к лавочке доску. Доска была новой, желтоватой, с двумя тёмными сучками; рядом с почерневшими планками она выглядела так, словно её принесли сюда ненадолго, примерить.

- Дать ключ? - спросил Антон.

- Дал уже. Не подходит.

- Там снизу гайка другая.

- Я вижу, что другая. Мне бы знать, кто её туда поставил.

Антон остановился, присел с обратной стороны лавочки и взялся за гайку пальцами. Та провернулась вместе с болтом.

- Держи сверху.

- Так я и держал.

Через минуту доска перестала ходить под рукой. Семён Аркадьевич сел на неё, осторожно перенёс вес и остался доволен, хотя по лицу постарался этого не показать.

- Всё равно до весны сгниёт.

- Вы её покрасьте.

- А старые тогда что, не красить?

Антон посмотрел на лавочку. Старых планок было четыре. Ему показалось, что теперь придётся принести сюда краску, и он пожалел, что заговорил.

- Зайду после работы.

- Ты матери хлеба возьми, - сказал Семён Аркадьевич. - Сегодня хороший привезли.

За домом пахло тополиными листьями и мокрым песком. Ночью прошёл дождь, но такой короткий, что под большими деревьями земля осталась сухой. Антон обошёл лужу возле водосточной трубы и невольно посмотрел на стык: течь шла из второго колена. Прокладку он менял в мае. Кто-то после этого снова затянул хомут до упора, смял резину и счёл работу законченной.

В диспетчерскую следовало позвонить сейчас, иначе потом забудется. Он даже остановился у телефонной будки, но вспомнил, что идёт за тёплым хлебом. На обратном пути, решил он.

У магазина стояли семь человек. Дверь была открыта, и очередь начиналась внутри, у прилавка, а наружу выходила только своей разговорчивой частью. Там стояли Костров и Тамара Ивановна из соседнего подъезда. Между ними на ящике сидел кот с ободранным ухом.

- Вот уезжаете, Михаил, - говорила Тамара Ивановна, - а кто тебя там ждёт?

- Квартира, которую я снял.

- Квартира не человек.

- Тем лучше. Я ей не обязан объяснять, зачем приехал.

Костров заметил Антона и подвинулся, будто освобождал место не в очереди, а в разговоре.

- Слышал? Я уже нехороший человек.

- Я этого не говорила, - возразила Тамара Ивановна. - Я сказала, что человек должен понимать.

- Так я для этого и еду. Понимать.

Он улыбался. Антон знал эту улыбку: Михаил пользовался ею на работе, когда начальство объясняло ему, почему оплаченных часов опять оказалось меньше отработанных. За улыбкой не было ни согласия, ни готовности спорить. Она помогала дожидаться конца разговора.

- Во сколько поедете? - спросил Антон.

- В субботу, в половине седьмого. Сегодня ещё к Жарову. Последнюю печать.

- Ты вчера за последней ходил.

- Вчера предпоследняя была. Я тогда не знал.

Тамара Ивановна отвернулась к коту.

Антон хотел спросить, что говорит Марина, но при Тамаре Ивановне не стал. В прошлое воскресенье жена Кострова застала их в гараже и сказала, обращаясь почему-то к Антону: если они сейчас не уедут, она больше не будет ничего собирать. Михаил тогда полез под капот, хотя двигатель был заглушён и чинить они его не собирались.

За прилавком Нина раскладывала сдачу на блюде. Её руки двигались быстро, но сама очередь продвигалась медленно: каждый покупатель вспоминал ещё что-нибудь, уже получив хлеб. Нужно было спросить про крупу, оставить банку для сметаны, передать, что тётя Лида сегодня не придёт.

Перед Антоном оказалась незнакомая женщина в лёгком сером плаще. Плащ был расстёгнут, рукава подвёрнуты слишком ровно; из нагрудного кармана выглядывал уголок белой карточки. С ней стоял мужчина помоложе, высокий, с короткой бородой. На нём была синяя рубашка без единой складки, хотя день обещал быть жарким.

Незнакомые в последнее время встречались всё чаще. Поначалу город обсуждал каждого: кто такие, к кому приехали, почему ходят по двое и без детей. Потом объяснение нашлось. Пансионат начали рекламировать за пределами района. Воздух здесь хороший, река рядом, кормят, говорят, вполне прилично. Люди платят за тишину - чего тут не понять.

Антон и сам однажды сказал матери, что они живут в месте, куда другие ездят отдыхать. Мать ответила: пусть бы эти другие хотя бы на неделю поменялись с ней квартирой, а она бы пока пожила в их ванной с горячей водой. Он тогда посмеялся и объяснил, что в пансионате свой котёл.

Женщина в плаще смотрела на весы. Потом наклонилась к спутнику и что-то сказала. Он улыбнулся, не разжимая губ.

- Вам чего? - спросила Нина.

- Батон, пожалуйста.

- Нарезной?

Женщина посмотрела на четыре одинаковых батона за стеклом.

- Да. Вот этот.

Нина завернула хлеб в тонкую бумагу и положила перед ней. Женщина открыла небольшой кошелёк, перебрала купюры, потом посмотрела на мужчину.

- А здесь настоящими деньгами?

Нина перестала держать бумажный край.

- А у вас какие?

- Нет, я не это... Я хотела спросить, картой нельзя?

- Нельзя.

- Конечно. Простите.

Женщина покраснела так быстро и заметно, что Антону стало неловко за неё. Он подумал, что она, возможно, больна: с такими людьми случается, они путают обычные слова, а потом страдают больше, чем если бы им вовсе не ответили.

Мужчина достал деньги и рассчитался. Прежде чем отойти, он посмотрел на Нину с какой-то настойчивой доброжелательностью.

- У вас всё очень... - начал он.

- Свежее, - помогла Нина. - Сегодняшнее.

- Да. Спасибо.

Они вышли. Костров проводил их взглядом.

- Вон люди. Даже хлебу рады.

- А ты не рад? - спросила Нина.

- Я рад, Нин. Я скрываю.

Антон купил батон с нужной полки. Выбранный матерью второй справа уже забрала незнакомая женщина, и он взял третий, хотя сразу почувствовал, что это придётся объяснять.

На улице пара стояла у доски объявлений. Мужчина рассматривал приглашение на субботний концерт. Женщина держала хлеб обеими руками, прямо в бумаге, и осторожно проводила большим пальцем по корке. Увидев Антона, она улыбнулась ему. Он кивнул и пошёл быстрее.

Почему-то именно её улыбка его задела. Возможно, потому, что в магазине ему стало за неё стыдно, а теперь выяснилось, что стыдиться она не собирается. Или потому, что в этой улыбке было узнавание, на которое он не мог ответить: лицо совершенно чужое.

Костров догнал его возле почты.

- Придёшь вечером?

- Куда?

- Ко мне. Шкаф донести. Марина решила соседям оставить.

- Продать бы.

- Она сначала хотела. Потом посмотрела на соседей и решила оставить.

Они прошли немного молча. Почта ещё не открылась. Под дверью стояла Галина Сергеевна, прижимая к животу плоскую бандероль, завернутую в коричневую бумагу. Завидев их, она подняла руку, но потом будто передумала звать.

- Ты серьёзно? - спросил Антон.

- Что?

- Ну, в субботу.

Михаил остановился.

- Ты тоже начинаешь?

- Я спросил.

- Серьёзно. Квартиру оплатил. Марина уволилась. Малого из школы забрали. Дальше тебе что предъявить?

- Ничего мне не надо предъявлять.

- Тогда вечером приходи.

Он пошёл в другую сторону, не попрощавшись, а Антон остался у почты с тёплым батонном под мышкой и почувствовал, что сказал что-то подлое. Не слова были подлыми - слова самые обычные. Ему хотелось, чтобы Михаил ответил: да нет, опять не получилось. Тогда можно было бы сочувствовать, ругать Жарова, нести вместе шкаф и оставаться такими же, как прежде.

У него самого тоже имелась папка. Тёмно-зелёная, с тесёмками. Лежала в верхнем ящике комода под отцовскими квитанциями. Он не открывал её лет восемь и всё ещё помнил, какой документ там лежит сверху.

Возвращаясь через двор, он нарочно не посмотрел на Семёна Аркадьевича, чтобы не пришлось говорить о краске.

Мать успела вымыть пол возле плиты. Скамеечка стояла в стороне, на столе остывали две чашки.

- Я же просил ногу не мочить.

- Я её не мочила. Пол вымыла.

- Ты бы подождала.

- Пока ты вернёшься? Ты от магазина через район ходишь.

Он положил батон на доску. Мать потрогала корку.

- Не тот.

- Второй забрали.

- Кто?

- Женщина.

- Ну, женщина, - сказала мать и подвинула ему нож. - Поешь, пока не остыло.

Он хотел уточнить, что именно не должно было остыть: хлеб, чай или яичница, уже накрытая второй тарелкой. Но она произносила эти слова каждое утро, независимо от того, что было на столе, и ему вдруг не захотелось ничего уточнять.

Яичница была с помидорами. Мать съела свою половину ещё до его прихода, хотя теперь заявила, что не хочет, и оставила на общей тарелке большой кусок.

- Мишка в субботу уезжает, - сказал Антон.

- Дай бог.

- Все ему одно говорят: кто тебя там ждёт.

- А кто его там ждёт?

Он посмотрел на неё.

- Мам.

- Я не говорю, чтобы не ехал. Пусть едет. Маринка хорошая девка, ей надоело.

- Что надоело?

Мать взяла нож, соскребла с деревянной доски крошки в ладонь.

- То и надоело. Не знаешь, будто.

Они ели. За стеной коротко заработала дрель и умолкла. В ванной набирался бачок - долго, с захлёбывающимся свистом. Антон слушал и решил, что вечером всё-таки снимет клапан. Мать уже неделю подкладывала под дверь свёрнутое полотенце, уверенная, что в трубах снова поднимается вода, хотя течи не было.

- Нина чего говорит? - спросила она.

- Ничего. Хлеб сегодня хороший.

- Я тебе и сказала.

Ему стало легче от этой маленькой победы, которую он мог ей оставить.

Перед уходом на работу Антон вынес мусор и поднялся по приставной лестнице к трубе. Хомут действительно перетянули. Он ослабил его, поправил прокладку и заметил на козырьке птицу.

Она сидела почти над самым его плечом, мокрая после дождя, с тёмным острым клювом. Антон не знал, что это за птица. Всю жизнь видел их в городе и всякий раз забывал спросить у кого-нибудь, кто разбирался.

- А ну, - сказал он, махнув отвёрткой.

Птица не двинулась.

Он постучал рукояткой по железу. Под козырьком задребезжало. Птица повернула голову - медленно, с маленькой задержкой, как бывает у людей, не сразу расслышавших обращение.

- Нахальная.

На кронштейне под её лапами белела свежая полоска краски. Антон провёл по ней пальцем. Краска не высохла до конца. Странно: фасад в этом году не красили, лестница до утра стояла у него в сарае, а другую высокую он в их дворе не видел.

Он вытер палец о тряпку, проверил хомут и спустился.

У калитки снова стояли двое из магазина. Женщина уже ела хлеб, отламывая маленькие кусочки, и спорила со спутником вполголоса. Когда Антон вынес лестницу за сарай, она замолчала.

- Вкусный? - спросил он, сам не зная зачем.

Женщина посмотрела на батон, потом на него.

- Очень.

- У нас по четвергам хороший. В понедельник другой пекарь.

Она улыбнулась, теперь без прежнего узнавания, почти печально.

- Спасибо. Будем знать.

Антон взял сумку с инструментом. Времени оставалось впитык, но уйти почему-то не получалось.

- А вы надолго к нам?

Женщина открыла рот. Мужчина мягко коснулся её локтя.

- Сегодня до двенадцати, - сказал он.

- Я не про сегодня. Вообще. В пансионате живёте?

Они переглянулись. Не испуганно, скорее с тем коротким недоумением, с каким люди обнаруживают, что в знакомом разговоре пропустили необходимое условие.

- Нет, - ответила женщина. - Мы в городе.

- Так вы и есть в городе.

- Конечно, - торопливо сказал мужчина. - Конечно. Хорошего вам дня.

Антон постоял ещё немного, потом кивнул и пошёл к мастерской.

За его спиной женщина что-то тихо спросила. Отдельные слова потерялись в стуке ворот, которыми Семён Аркадьевич загонял во двор велосипед, но ответ мужчины Антон услышал отчётливо:

- Я думал, это у них по сценарию.

Он даже обернулся. Оба смотрели на него, ожидая, пока он отойдёт.

Антон поправил сумку и прибавил шаг. За углом нужно было позвонить насчёт трубы. Потом заняться заявкой из детского сада. Вечером перенести шкаф.

До работы он постарался вспомнить, не снимали ли в пансионате какой-нибудь фильм. Вроде бы никто не говорил.

Глава вторая. Папка для новой жизни

Шкаф выносили втроем, хотя помогать пришёл один Антон. Марина поддерживала снизу дверь, которая всё время открывалась, и давала распоряжения, словно отвечала не за старую мебель, а за весь порядок предстоящего отъезда. В передней пахло влажной обувью. На обоях после снятой вешалки осталось светлое пятно в форме домика.

- Левее, - говорила Марина. - Миша, левее. Твоё другое лево.

На площадке шкаф застрял. Михаил поставил его на ребро и рассмеялся.

- Не отпускает имущество.

Марина отступила к стене. Оттуда, в полоске света, её лицо казалось совсем молодым и злым.

- Ты не начинай.

Дверь соседей открылась. Пожилой Фёдор Игнатьевич поглядел на шкаф с таким сожалением, будто предстояло взять к себе ещё одного нуждающегося родственника. Его жена из глубины квартиры спрашивала, целое ли зеркало.

Когда управились, Михаил позвал Антона на кухню. Сидеть пришлось на табуретках: стулья уже связали попарно, хотя перевозить их не собирались. Марина объяснила, что иначе муж опять поставит на них вещи.

Папка лежала на голом столе. Михаил развязал тесёмки, раскрыл её и принялся перебирать бумаги. Он не показывал их другу; просто проверял ещё раз, при свидетеле. Направление на трудоустройство. Выписка из ведомственного реестра жилья. Справка из поликлиники с двумя синими печатями. Наконец - лист на тонкой бумаге с подписью Жарова.

- Всё? - спросил Антон.

- Всё.

- А квартира?

- Перевёл через контору. Аванс. Есть расписка.

Михаил достал расписку так быстро, словно ожидал именно этого вопроса. Антон не взял её, и Михаил неловко подержал лист над столом.

- Не глядишь?

- Верю.

- Мне-то чего верить. Ты конторе верь.

Из комнаты вышел их сын Денис. Ему было восемь; на майке растянулась эмблема какой-то спортивной школы, куда его никогда не водили.

- Пап, там можно будет сразу собаку?

- Сначала сами въедем.

- Ты говорил, у нас нельзя, потому что квартира маленькая.

Михаил закрыл папку.

- Денис. Послезавтра рано вставать.

Мальчик остался стоять. Антон сунул руку в карман и нащупал гайку, которую забыл выбросить после ремонта. Почему-то захотелось отдать её ребёнку, как будто предмет мог заменить обещание.

- Там посмотрим, - сказала Марина из коридора. - Иди, я тебе постелю.

Когда они ушли, Михаил достал из шкафа две рюмки. Поморщился, оглянулся на дверь и убрал одну обратно.

- Ты хоть не говори, что вернусь, - попросил он.

- Не собирался.

- Мне все говорят. Как будто ждут.

- Приезжать-то будешь?

Михаил провёл пальцем по краю рюмки.

- Видишь. И ты.

Антон хотел возразить, но вспомнил утренний разговор. Некоторое время слышно было, как за стеной Марина объясняет сыну, почему собака не может ехать в одном чемодане с бельём.

- Я к автобусу приду, - сказал он.

Михаил кивнул и налил совсем немного. Себе одному.

С лестницы он вернулся за шапкой и застал Михаила одного. Тот стоял у пустой стены, где до вечера был шкаф с посудой. Пальцем отскребал от обоев полоску старой клейкой бумаги.

- Забыл, - сказал Антон и показал на табуретку.

Михаил кивнул, но не двинулся. За стеной Марина читала сыну. Через несколько фраз голос прерывался: Денис задавал вопрос, и ей приходилось объяснять что-то про большого медведя.

- Мы уже один раз собирались, - произнёс Михаил.

Антон помнил. Денис тогда ещё не ходил в школу. Другая работа, другое жильё; в последний момент у Марины заболела мать. Михаил остался, и позднее оба привыкли говорить о несостоявшейся поездке так, будто никогда не принимали её всерьёз.

- В этот раз не такой случай.

- Я знаю, какой случай. Третий вечер смотрю, где вещи сложены. Всё кажется, сейчас позовут и объяснят, что неправильно собрал.

Он наконец оторвал полоску. Под ней обнаружился жёлтый след клея.

- А бумага на стене откуда? - спросил Антон.

- Маринкин отец оставил. Когда шкаф собирал, дверцы подвязывал, края бумаги к стене прихватывал. Они сами открывались, мешали. Потом за шкафом так и осталось. Он говорил: добрую вещь беречь надо. И чего? Двадцать пять лет она простояла тут. Шкаф старше Дениса, а поездка у него первая - через площадку.

Антон сел на табуретку. Шапку положил на колени.

- Ты же не один уедешь.

- Вот это и пугает. Один хоть голодный посидишь. А тут она смотрит и молчит. Я для неё должен всё заранее знать. Как будто я у нас справочное бюро.

Из комнаты донёсся детский смех. Михаил улыбнулся невольно и перестал отдирать бумагу.

- Я ведь здесь не пропадаю, - сказал он. - Машина есть. Работа. Сам знаешь, кто мне слово поперёк скажет. А там начну - сначала фамилию спросят, потом чему научился. И может оказаться, что не так уж многому.

- Научишься.

- Сам-то почему не поехал?

Вопрос прозвучал без нажима. Антон мог бы ответить про отца, мать, хорошую работу, отсутствие денег. Михаил знал все ответы; слышал их столько раз, что теперь они казались чужими, общими для каждого, кто остался.

- Не знаю, - сказал Антон.

Михаил с облегчением кивнул.

- Вот и я не знаю. Только каждый год почему-то труднее чемодан достать.

Они посидели ещё немного. В кухонном окне отражалась голая лампочка, неровное пятно света лежало на клеёнке. Снаружи у контейнеров кто-то переставлял металлические крышки, и знакомый стук внезапно показался Антону дорогим. Он уже знал, что, проводив друга, пойдёт по двору, где ничего не изменилось, и это будет одновременно утешительно и стыдно.

Перед уходом он поднял оторванную бумагу, бросил в ведро.

- Давай завтра у меня пообедаете, - сказал Михаил. - Продукты доедим. Марина всё приготовила, как в армию провожают.

Антон согласился. Шапку снова забыл на табуретке и вспомнил о ней уже у подъезда. На этот раз возвращаться не стал.

Дома Антон открыл верхний ящик. Зелёная папка пристала к отцовским квитанциям; он разделил их осторожно, чтобы не порвать. Сверху лежала собственноручно переписанная программа вступительных испытаний. В графе «Возраст» он когда-то вывел: «25». С тех пор прошло девять лет. Никакой официальной силы эта бумага не имела. Ему просто нравилось, что на ней всё про него выглядело ясно.

С кухни позвала мать: не видел ли он ножницы. Антон вернул папку на место.

Глава третья. Неправильно одетые

В пятницу у детского сада сорвало резьбу на кране. Нянька принесла таз, заведующая предложила отключить всю воду и немедленно составить акт, а повариха спросила, кто в таком случае сварит компот. Антон заменил буксу за двадцать минут и остался ещё на полчаса: малыш из младшей группы успел спустить в слив пластмассового солдатики.

На крыльце двое приезжих фотографировали цветную стенку с нарисованными гусями. Или только рассматривали: предметов в руках у них не было, но один всё время прикасался к воротнику.

- Вот ведь делают, - сказал он товарищу. - Даже тут.

- Это Дашка рисовала, - сообщил Антон. - Она у них воспитательница. Если нужно, у заведующей спросите.

Мужчина обернулся.

- Простите?

Антон повторил. Приезжий заулыбался, поблагодарил и почему-то отступил на ступеньку.

- Мы просто смотрим.

- Ну смотрите.

После детского сада Антон пошёл в баню. Новая помывочная не работала третий месяц, но посетители называли её новой уже лет пятнадцать. За стеной бухал насос. В старом отделении пахло щёлоком и нагретой древесиной.

Банщица попросила починить щеколду. Пока он возился у двери, к окошку подошла девушка в белых туфлях. Пятки у неё были чистые, хотя дорога от пансионата после дождя превращалась в кашу.

- А можно просто посмотреть?

- На что?

- Внутри.

- В мужское?

Девушка рассмеялась и оглянулась на своих, словно те подали ей знак продолжать.

- Нет, конечно. Я думала, экскурсия...

- В субботу санитарный день, - объяснила банщица. - Тогда хоть с экскурсией, хоть с хором.

Белые туфли исчезли. Антон закрутил последний винт.

- Они чего все ходят?

- Денег много.

- У нас в бане чего им надо?

- Мало, что ли, людей с деньгами, которым в бане чего-нибудь надо?

Банщица подвинула ему стакан чаю и блюдо с мокрым сахаром. Антон посидел. После тепла выходить на улицу не хотелось.

Из бани он вышел через задний двор. Там у ограды сушились деревянные решётки, вымытые до желтизны, а под навесом лежала старая вывеска с облупленной буквой «Я». За дырой в заборе виднелась дорога к комбинату.

Возле ограды стоял Григорьев из инструментального цеха. Курил, спрятав за спиной полотенце. Работал он теперь сторожем и появлялся в бане в любое время, объясняя, что для сменного человека четверг с пятницей одинаковы.

- Там опять люди? - спросил он.

- Гуляют.

- Далеко гуляют.

Антон остановился. Григорьев долго стряхивал пепел, хотя сигарета почти не тлела.

- Они всё спрашивают, счастливый ли я. Я говорю: сегодня смену отработал - получу. В смысле, спрашивают, вообще. А чего вообще? Сегодня спину не ломит - счастливый. Завтра заломит - нет. В записную книжку им это не помещается.

- Кто спрашивал?

- Девчонка одна. Вроде твоей ровесницы. Очень ей было интересно, жалею ли о Союзе. Я и Союза-то целого не видел. Училище, армия, потом завод. Всегда какое-нибудь помещение. Мне бы хоть раз на всё сразу посмотреть, а потом жалеть.

Он усмехнулся, но лицо осталось усталым. Антон видел жёлтые пятна между пальцами, неровно заживший рубец возле уха. Такие люди редко становились предметом общего интереса, и Григорьеву, возможно, нравилось, что его расспрашивают. Только он не хотел признаться.

- Ты бы сам давно уехал, - заметил Антон.

Брат Григорьева жил где-то на юге. По крайней мере, так говорили.

- Сначала бы адрес брата узнал.

- Не знаешь?

- Телефона старого нет. Письмо отправлял, вернули. Потом перестал. Не хочет человек - чего навязываться.

Григорьев затушил сигарету о кирпич и спрятал окурки в пустую пачку. Не выбросил под ноги, хотя рядом давно никто не подметал.

- Люди же уезжают, - сказал Антон. - Не все возвращаются.

- Возвращаются тоже. Кравцов помнишь?

Кравцов был электриком, худым человеком с громким смехом. Антон знал только, что его перевели на другую территорию.

- Приехал зимой. Дня на два. Новый пуховик, часы. В баню заглянул. Все спрашивают, как устроился, а он: нормально. Потом отвёл меня к двери, попросил про жену не шутить. Думаю, разошлись, бывает. Только я про жену и не собирался.

- И чего?

- Ничего. Уехал. Мне потом Жаров сказал, здоровье бережёт, нервничать нельзя.

Григорьев помолчал.

- Ты не подумай, что жалуюсь. Здесь хотя бы работа есть. Вон пенсию дают. У сестры за городом сосед совсем без денег сидит. По радио говорили, опять у них цены.

Антон кивнул. Разговор вернулся в привычное русло, и стало проще попрощаться. Он вышел на улицу, где солнце уже пригревало мокрый асфальт. Вспоминал Кравцова и не мог решить, действительно ли помнит его часы или только что сам их придумал. Новая подробность так легко прикреплялась к прошлому, что отличить её от своей памяти было почти невозможно.

На обратном пути его окликнул мужчина у почты. Невысокий, лысеющий, в дорогой куртке. Спросил, действительно ли по понедельникам хлеб хуже.

Антон не сразу понял.

- Кто сказал?

- Да так... слышал.

- По-разному бывает.

- А повторите, как вы говорили. Про пекаря.

Просяба была безобидная, однако Антон почувствовал раздражение. Мужчина ждал, держа голову набок. Так слушали иногда пьяного Кольку, когда тот начинал изображать начальника котельной.

- Сходите в понедельник, - сказал Антон. - Сами поговорите.

Он ушёл, слыша за собой короткий смешок. В мастерской пересказал разговор, но слесари ничего странного не увидели. Один предположил, что приезжий собирается купить хлебозавод. Другой сказал: пусть сначала трубу на крыше купит.

Антон посмеялся вместе со всеми. Только потом вспомнил: фразу про пекаря он произнёс вчера у собственного двора, вполголоса. Рядом стояли двое.

Вернувшись домой, он спросил мать, не приходил ли кто-нибудь из радиоузла.

- Зачем?

- Может, опрос какой.

Она подняла на него глаза.

- Ты чего натворил?

- Ничего я не натворил.

Но вопрос почему-то примирил его с происшедшим. Если у матери первая мысль была такая, значит, и сам он напрасно искал сложностей там, где, скорее всего, просто кто-то передал чужую шутку.

Глава четвёртая. Ведомственная дорога

В половине шестого утра Марина стояла у автобуса без пальто. Оно лежало на чемодане, рукав касался пыльного колеса. Водитель ходил вокруг машины и курил; по спокойствию, с каким он рассматривал собственные ботинки, Антон сразу понял, что ничего чинить не придётся.

- Что случилось?

Михаил молча протянул лист.

В верхнем углу было написано «Срочно», ниже сообщалось об ограничении движения на участке ведомственной дороги до особого распоряжения. Внизу стояла свежая печать. Лист ещё пах копировальной краской.

- Мост? - спросил Антон.

- Не знаю.

- Вчера же ездили.

Михаил забрал бумагу.

На остановке собрались человек двенадцать. Одни пришли провожать, другие собирались передать посылки. Две женщины обсуждали, не положено ли теперь вернуть деньги за оформление; говорили тихо, будто боялись, что именно этот вопрос задержит автобус ещё сильнее.

Денис спал на сумке, прислонившись к ногам матери. Марина поправила ему голову. Её лицо было красным от недосыпа, а возле рта лежала мелкая мучнистая пыль - должно быть, с утра собирала бутерброды и потом вытерлась рукавом.

- Когда узнаете? - спросила она водителя.

- Позвонят - узнаю.

- В конторе в восемь начинают.

- Значит, после восьми.

- Мы тут до восьми будем стоять?

Водитель выбросил сигарету, придавил носком и не ответил.

Приехал Жаров. Он был без галстука, но в белой рубашке, рукава застёгнуты. Марине сразу предложил садиться к нему в машину: ребёнка простудит, а он отвезёт их домой.

- Нам не домой, Николай Семёнович.

- Я понимаю.

- У нас квартиры там оплачены.

- Всё решим. Сейчас главное - спокойно.

Слово «спокойно» подействовало на Михаила странным образом: тот выпрямился, отодвинул чемодан от колеса и принялся объяснять жене, что дорога действительно опасная. Вода подмывает опоры. Никто же не захочет ехать с ребёнком по подмытому мосту.

Антон открыл рот. Он знал этот мост. По их старой схеме водоотвода подмывать там было нечего: короткий бетонный лоток через пересохшую ложбину. Но Михаил посмотрел на него так, что он промолчал.

Марина слушала мужа внимательно, до конца. Потом подняла пальто с чемодана и надела.

- Отдай мне ключи, - сказала она.

- Я с тобой.

- Ключи отдай.

Она ушла с сыном. Денис на ходу пытался проснуться и спрашивал, где автобус.

Михаил остался возле вещей. Провожающие начали расходиться. Кто-то хлопнул его по плечу и сказал, что всё к лучшему. Он ответил: «Конечно». Когда возле остановки остались только они с Антоном, сел на чемодан.

- Давай отнесём, - предложил Антон.

- Куда?

Оба посмотрели на одинаковые окна дома за площадью.

- Ко мне пока, - сказал Антон.

Михаил покачал головой.

- Помоги до подъезда. Дальше я сам.

Дома дверь открыл Денис. Спросил у Антона, завтра ли они теперь поедут. Михаил взял из рук друга последнюю сумку и так бережно поставил её на пол, словно боялся разбудить кого-то внутри.

Антон спустился на один пролёт и остановился: внизу Марина разговаривала с Жаровым. Председатель вошёл следом за ними и теперь объяснял про безопасность. Голос у него был терпеливый; казалось, он согласен говорить столько, сколько потребуется, лишь бы перестали спрашивать.

- Зачем вы справки тогда выдавали? - спросила Марина.

- Оперативная обстановка изменилась.

- Какая обстановка? Миша по работе вчера ездил до поворота. Там сухо.

- Речь о другом участке.

- Покажите на карте.

Антон услышал, как Жаров переставил ноги. Подъезд усиливал каждый звук, и чужая неловкость сделалась почти осязаемой.

- Давайте без этого, Марина. Я же помочь пришёл.

- Вы пока только домой нас привезли.

На лестницу вышел Михаил. Антон отступил к стене, чтобы тот не заметил: подслушивать было стыдно, спускаться и объявлять о себе - ещё стыднее.

Михаил начал извиняться. Жаров сказал, что всё понимает, семья переживает, затраты компенсируют. Посоветовал не увольняться окончательно: пока документы в переходном состоянии, могут возникнуть вопросы к жилью. Никакой угрозы он не произнёс. Просто связал три обычные вещи - работу, документы и квартиру, - и Марина перестала повышать голос.

Когда председатель ушёл, Антон спустился. Михаил стоял у окна между этажами, смотрел в пыльное стекло.

- Чего не уходишь?

- Хотел тебя позвать. Сумка тяжёлая.

Ложь вышла плохо: тяжёлых сумок больше не оставалось. Михаил всё равно кивнул.

- Марина говорит, надо пешком. Через старый карьер. До станции дойти.

Антон сразу представил карьер: топкие дорожки, глину, спуск между двумя заборами. До станции было километров пятнадцать по ведомственной карте. Если идти с вещами и ребёнком - весь день.

- После дождя не пройти.

- Знаю. Я ей сказал. Потом спросила, пробовал ли я.

Они молчали.

Михаил открыл окно. Из рамы посыпалась сухая краска. На улице начинался обычный день; женщина катила детскую коляску, у булочной снимали с машины ящики. Никому не требовалось знать, почему одна семья с утра вернулась домой.

- Давай съездим посмотрим, - сказал Антон. - Вдвоём. Завтра.

Михаил повернулся. На короткую секунду оживился, и Антон уже пожалел о предложении: оно обязывало больше, чем сочувствие.

- Ты не должен, - произнёс друг.

- А я хочу.

Они договорились встретиться у гаража. Антон ушёл с облегчением: сделал что-то настоящее. Назавтра машину Михаила отправили в ремонт, Антона вызвали на насосную, а к вечеру Марина сказала, что больше не поедет никуда без официального рейса. Так и не съездили. Позднее оба вспоминали эту несостоявшуюся разведку как доказательство, что пробовали всё возможное. Ни один не назвал её тем, чем она была: ещё одним разговором на лестнице.

Шкаф у соседей уже заставили посудой.

Глава пятая. Чужая книга

Сентябрь начался с жары. В библиотеке раскрыли окна, и страницы журналов шуршали сами собой. Галина Сергеевна положила поверх стопки деревянную линейку, позвала Антона к столу и спросила, разбирается ли он в фильтрах.

- В каких?

- Водяных. Для квартиры.

Она достала из ящика толстый справочник с цветными фотографиями. На обложке было написано «Дом без лишних забот». На одном развороте изображалась кухня, где под раковиной стояли четыре белых цилиндра.

Антон наклонился. Прочёл подписи. Полистал назад. Стиральные машины, сушильные шкафы, небольшие отопительные котлы. Цены в книге не приводились, однако всё это предлагали выбирать так же буднично, как у них выбирали эмалированное ведро.

- Для больниц, наверное, - сказал он.

- Там вначале про однокомнатную квартиру.

Он вернулся к предисловию. Действительно, семья из двух человек меняла оборудование в обычной небольшой квартире.

- Откуда?

- Читатель оставил.

- Какой?

- Новый. Я его не записывала.

Она говорила с раздражением, направленным на себя. Антон знал, что для библиотекаря незаписанный читатель был почти личным поражением.

- Возьми на вечер. Скажешь, что там имеет смысл покупать.

- Вы собрались?

- Я пока собралась узнать.

Он задержался в библиотеке. Галина Сергеевна достала коробку с чайными пакетиками. Заваривать приходилось в большом стакане, потому что носик у чайника недавно откололся. Антон обещал принести другой.

- Не покупай, - сказала она. - У меня дома есть. Всё донести не могу.

На стене висел лист новых поступлений. Последняя запись относилась к маю: два исторических романа, три детские книги, энциклопедия с отсутствующим вторым томом. Антон знал, что библиотекарь каждый месяц составляет заявку. Иногда она давала ему переписать список крупнее: собственный почерк к концу страницы делался неразборчивым.

- Может, самим заказать? - спросил он. - Не через отдел.

- А я сама и заказываю.

- Письмом?

- Письмом. Сначала сказали, не тот адрес. Потом - издательство закрылось. Теперь вот думаю, сколько их закрылось. За год шесть.

Она не улыбнулась. На столе лежал справочник. Антон открыл страницу про обслуживание оборудования и увидел значок: подробные инструкции можно получить на сайте производителя. Адрес состоял из английских букв.

- У вас компьютер для этого есть, - сказал он.

В углу действительно стоял компьютер. В нём хранили читательские карточки; экран включался долго и при запуске издавал раздражённый свист.

- Мне разрешён районный каталог. Остальное через заявку. Чтобы вирусы не занести.

Антон посмотрел на закрытую системную коробку. С техникой получалось странно: водопровод он мог разобрать до последней гайки, а к этой коробке подходил, как к чужому

большому начальству. Однажды пробовал подключить библиотеке принтер, после чего у него потребовали удостоверение допуска. Он тогда ещё смеялся: бояться, что бумагу испортит.

- Сходил бы к связистам, - сказал он.

- Ходила. Они хорошие ребята. Сами ничего не могут открыть. У них только телефония и общий узел, остальное приезжие делают.

Она достала школьный атлас. Развернула карту района.

Реченск обозначался маленьким кружком возле реки. Вокруг тянулась сероватая полоса промышленной территории, за ней - названия деревень. Антон нашёл карьер, станцию, дорогу, по которой должен был уехать Михаил.

- Здесь далеко всё, - сказал он.

- По этой карте далеко.

- А по другой?

Галина Сергеевна поправила линейку на журналах.

- Другой нет. Я не говорю, что нас обманывают. Только этому атласу девятнадцать лет. Дороги строят. Дома строят. Может, уже не так далеко.

Он попробовал представить дорогу, которой нет на карте, и не смог. Для него земля заканчивалась там, где раньше кончалась возможность проехать на машине. За этим следовали названия, климатические зоны, телевизионные новости. Ему никогда не приходило в голову, что между знакомым забором и большой жизнью может стоять одна устаревшая схема.

Он взял справочник, поблагодарил. У двери Галина Сергеевна попросила никому не рассказывать про книгу, пока не найдётся владелец.

- А чего тут рассказывать?

- Ничего. Вот и не надо.

Он вышел, удивляясь её осторожности. Только через квартал обнаружил, что сам прижал книгу обложкой к животу, скрывая название от прохожих.

Дома он положил справочник возле хлебницы. Мать долго рассматривала фотографию ванной. На ней полотенца висели на блестящей лесенке, а над умывальником не было труб.

- Всё спрятали, - сказала она.

- За стеной идёт.

- Потечёт - стену ломать.

- Там доступ есть.

- Тогда ладно.

Она перелистнула ещё несколько страниц и остановилась на женщине, которая доставала бельё из машины.

- Наша бы Люся увидела.

Люся умерла три года назад. Под конец не могла стирать сама и стыдилась отдавать соседям исподнее. Антон хотел сказать, что мать зря вспомнила: такая машина всё равно стояла бы целое состояние. Вместо этого прочёл мелкий текст под фотографией. Рассрочка. Доставка. Срок службы. Возможность установки в стандартном санузле.

Утром за книгой пришла сама Галина Сергеевна.

На лестнице она сказала, что нашёлся хозяин. В квартиру не вошла, хотя Зинаида Павловна звала пить чай.

- А фильтры? - спросил Антон.

- Потом.

- Я выписал.

Он протянул листок с названиями. Библиотекарь убрала его в карман, не взглянув.

Из окна Антон увидел, как она на углу передала справочник невысокому человеку в неприметной куртке. Тот не поблагодарил, а первым делом перелистал книгу, проверяя что-то внутри.

На работу Антон ушёл с листком, на котором по памяти написал ещё раз: «стандартный санузел». Эти слова раздражали сильнее, чем фотографии. За ними подразумевалась жизнь, обычная настолько, что никто не считал нужным объяснять, как до неё добраться.

Глава шестая. За праздничным столом

Матери исполнилось шестьдесят три. Она запрещаала приглашать гостей, потом упрекнула Антона, что он не предупредил Тамару Ивановну, и с самого утра тёрла морковь для салата в такой широкой миске, будто ждала весь подъезд.

Пришли семеро. Михаил принёс банку огурцов. Марина подарила полотенце и весь вечер следила, чтобы Денис не раскачивал стул. Семён Аркадьевич явился с астрой в горшке, выростив её, по собственным словам, совершенно случайно.

Зинаида Павловна надела синее платье. Антон застегнул на спине молнию и заметил, как легко сошлись края ткани. Ещё зимой мать просила не тянуть: было тесно.

Первый тост произнёс Михаил. Сказал, что без Зинаиды Павловны половина их дома погибла бы от собственного неряшества. Она велела ему не болтать и положила лишнюю котлету.

После второй рюмки Семён Аркадьевич принялся вспоминать комбинат. Он всегда начинал с начальства и кончал приятелем, который умел вытаскивать шахматные фигуры из бракованных деталей. Гости слушали охотно: часть истории принадлежала каждому.

Под конец истории Семён Аркадьевич вдруг замолчал. Обычно в этом месте он рассказывал, как начальник обнаружил у шахматного короля съёмную голову и попросил сделать такого же. Гости ждали продолжения.

- Так чего он? - спросил Михаил.

Старик поднял глаза.

- Умер уже. В прошлую зиму. Я всё рассказываю, а спросить-то, правильно ли, некого.

Зинаида Павловна потянулась к тарелке.

- Ешьте. А то остынет.

Разговор перескочил на картошку, и Антон почувствовал злость. Не на мать, не на гостей - на то, с какой готовностью все согласились уйти от человека, умершего в прошлую зиму. Сам при этом спросил Марину, не положить ли ей салата.

- Не надо, - ответила она. - Спасибо.

Она произнесла оба слова отдельно, словно благодарность тоже требовала усилия.

Семён Аркадьевич стал разглядывать фотографию на комод. На ней отец Антона держал в руках большую рыбу. В действительности рыбу выловили трое, а отец только помог вытащить на берег. Это был единственный снимок, где он смотрел в объектив без привычной виноватой улыбки.

- Хорошо тогда сходили, - сказал старик.

Мать кивнула. Перед ней лежала нетронутая котлета. Антон хотел напомнить, что ей нужно есть, но она посмотрела на него и сразу взяла вилку. Удивительно было, сколько между ними делалось без слов и сколько за счёт этого оставалось невыясненным.

Из-под стола вылез Денис с наполовину развязавшимся шнурком. Спросил, почему взрослые не заводят дней рождения в парке. Там можно играть и никому не тесно.

- На следующий год, - сказала Зинаида Павловна.

- Ты обещаешь?

Она рассмеялась.

- Придётся теперь дожить.

Все стали говорить, что она ещё всех переживёт. Она отмахивалась, довольная, и на несколько минут снова сделалась именинницей, которой полагалось только принимать хорошее. Антон подлил ей компота. Мать взяла стакан, пригубила и тихо сказала, чтобы больше не покупал эти духи. Голова болит.

Он растерялся.

- Ты же сама показывала.
- Флакон красивый. Не запах. Я думала, просто смотрим.

Ничего страшного не случилось, однако Антон ощутил почти обиду. Целый месяц хранил деньги, представлял, как вручит. Хотелось сказать это вслух - пусть понимает, - и тут же стало стыдно за желание сделать подарок её обязанностью.

Мать заметила, погладила его руку.

- Я всё равно рада. Только больше не надо. У меня крем хороший кончается, вот его бы.

Антон спросил название, записал на бумажке. От простоты просьбы стало легче. Он мог купить нужный крем; для этого не требовалось придумать, какой должна быть счастливая женщина в шестьдесят три года.

На улице хлопнула автомобильная дверь. Тамара Ивановна, сидевшая ближе к окну, сразу выпрямилась и пригладила волосы. Остальные не перестали разговаривать, но голоса стали чуточку тише ещё до того, как кто-нибудь вошёл в подъезд.

Жаров пришёл позднее. Все разом подвинулись, освобождая ему лучшее место. Он остался у порога, достал белый конверт и протянул хозяйке.

- Направление. Дообследование. Завтра скажут дату.

Мать взяла конверт двумя руками.

- Зачем же вы на праздник с делами.
- Хорошее дело празднику не мешает.

Антон поставил ещё одну тарелку. Жаров отказался, потом согласился на чай. Рюмку накрыл ладонью.

Михаил перестал участвовать в разговоре. Он смотрел на белый конверт возле материнской тарелки. Антон понял, о чём тот думает, и сам подумал то же: направление, которого ждали полтора года, нашлось вскоре после отмены рейса, когда весь подъезд обсуждал закрытую дорогу.

- Так мост открыли? - спросил Семён Аркадьевич.

Марина уронила вилку. Денис полез под стол.

Жаров поставил чашку.

- Там не только мост. Всё по результатам обследования.
- Миша вот тоже обследовался, - сказал старик. - Со всех сторон.

Получилось смешно, и почти все рассмеялись. Михаил поднял рюмку, будто присоединяясь к тосту.

После ухода Жарова разговор сразу сделался свободнее. Обсуждали крышу, яблоки, плохое радио по вечерам. Марина рассказала, как Денис перепутал квартиру и стал требовать у соседей завтрак. Денис возмущался: он просто перепутал этаж. Мать смеялась так, что прижимала салфетку к глазам.

Антон сидел у окна. За столом было тесно, жарко; одна ножка его стула стояла на полунице, которая всегда качалась. Он хотел, чтобы вечер длился подольше. Хотел запомнить мать вот такой, в синем платье, с горшком астры у локтя. Вспомнил, что не купил ей ничего настоящего: только духи, которые она сама показала в магазине месяц назад.

Когда гости разошлись, они мыли посуду вдвоём. Антон держал тарелки под краном, мать вытирала.

- Ты довольна? - спросил он.
 - Вытри там под ногами.
 - Я не про это.
- Она помолчала.
- Довольна. Только Мишку жалко.
 - Почему?
 - Ты же понимаешь.

Он действительно понимал, но до её слов ещё можно было притвориться, что не замечает, как весь вечер Марина ни разу не посмотрела на мужа.

Снаружи кто-то тихо засмеялся. За окном прошли две женщины, которых он прежде не видел. Одна оглянулась на освещённую кухню. Антон задвинул занавеску и только после этого вернулся к посуде.

Глава седьмая. Ни одного чемодана

В пансионат его отправили менять насос. Автобус туда ходил по субботам; в остальные дни четыре километра приходилось идти вдоль реки. Ближе к ограде появились аккуратные стрелки на столбах, указывавшие к хозяйственному въезду. Раньше их не было.

У ворот Антон встретил Лену, с которой учился в одном классе. Она работала здесь сестрой-хозяйкой. Смотрелась полной и счастливой, но, обнимая его, поморщилась и пожаловалась на поясницу.

- Опять сама кровати двигала?

- А ты мне рабочего дай.

В насосной стояли новые ящики. Антон провёл ладонью по одному: фанера ещё пахла смолой. На иностранной наклейке кто-то чёрным маркером закрасил часть текста. Насос оказался хорошим, со всеми переходниками. Работы хватило до обеда.

Лена принесла картошку и рыбу на широком подносе.

- У вас что, все разъехались? - спросил Антон. - Тишина.

- У нас восемнадцать человек. После обеда лежат.

- А остальные?

- Какие остальные?

Он назвал женщину в сером плаще, мужчину с бородой, девушку в белых туфлях. Лена покачала головой.

- У меня трое ходячих. Остальные с палочками. Таких нет.

- Другой корпус?

Она даже засмеялась.

- Был бы другой корпус, я бы тебе рыбу сейчас не носила.

В коридоре висел план расселения. Антон прочёл фамилии: восемнадцать, как сказала Лена. На соседней двери скотчем прикрепили лист «Посещения». Время шло с девяти утра через каждые два часа, возле каждой строки - число от шести до двенадцати.

В дальнем конце коридора открылась дверь. Старик на двух палочках долго прицеливался, как повернуть между тумбочкой и стеной. Антон подошёл, отодвинул тумбочку.

- Вниз? - спросил он.

- Туда, где дают добавки, - ответил старик. - Сестра сказала, больше ходить. Я к добавкам и хожу.

Антон придержал дверь. Старик представился Леонидом Абрамовичем, бывшим бухгалтером. На ногах у него были разные носки, и он смотрел вниз с таким видом, будто подозревал, но ещё не подтвердил различие.

- Я Лёну позову.

- Не надо. Она занята. Ты лучше до окна со мной пройдишь. Мне каждые сто шагов положено отдыхать, а я считать забываю.

Они дошли до широкого окна с видом на клумбу. Внизу под навесом разгружали ящики, два человека в одинаковых тёмных куртках спорили над накладной.

- Ты из посёлка? - спросил Леонид Абрамович.

- Из города.

- Да, из города. Мы всё называли посёлком. Когда строили. Я здесь по два раза в год лежал, пока ещё само предприятие платило.

Антон объяснил, у кого работал его отец. Старик вспомнил фамилию, переспросил имя матери.

- А как отец?

- Умер.

Леонид Абрамович потёр ладонью рукоятку палочки.

- Прости. В моей голове все на том же месте. Я сам уже не на том, а остальных переставлять забываю.

Снизу посигналил микроавтобус. Старик посмотрел на часы.

- Рано сегодня. В дождь они реже приезжают. Ботинки пачкать не хотят.

- Отдыхающие?

- Гости. Отдыхающие тут мы. Нам уходить некуда, чтобы снова приехать.

Антон улыбнулся, приняв это за шутку. Леонид Абрамович стал расспрашивать, работает ли ещё старая баня, не застроили ли проход к реке, что осталось от заводского клуба. Оказалось, в городе он не бывал много лет.

- Так съездите. В субботу автобус.

- Мне не надо. У меня там всё поломано.

Он сказал это про воспоминания или про дороги - Антон не понял. Внизу люди с ящиками замолчали, увидев начальницу на крыльце. Один протянул ей лист.

- Здесь всякое подписывали, - произнёс старик. - Когда начиналось. Мне давали проверять сметы. В бумагах жизнь всегда обходится разумно. Люди дешевле всего выходят, пока не начинаешь считать каждого отдельно.

Он устал, и последние слова дались с одышкой. Антон предложил вернуться в палату. На обратном пути Леонид Абрамович попросил не говорить начальнице, что слишком далеко ходил: опять будут ругать Лену. В комнате на тумбочке лежал конверт с фотографиями. На верхнем снимке Антон узнал площадь Реченска, но снятую с такого угла, откуда ни одна местная дорожка не проходила.

Старик убрал фотографии прежде, чем он успел спросить.

Из кабинета вышла начальница, сухая женщина с узкими бровями. Спросила, всё ли закончено.

- Насос поменял. Лена сказала, полотенцесушитель ещё посмотреть.

- Не надо. Заявку отдельно подадим.

Он кивнул на расписание.

- Много к вам ездят.

- На экскурсии.

- В пансионат?

- По территории. У нас оздоровительный маршрут.

В её ответе всё было устроено правильно: короткая пауза, точное слово, отсутствие раздражения. Антон почувствовал себя человеком, задающим лишние вопросы занятому специалисту. Поблагодарил за обед и ушёл.

У хозяйственных ворот стоял чистый микроавтобус. Водитель достал из багажного отделения ящик с одинаковыми небольшими сумками. Антон спросил, подбросят ли его до города. Тот уже хотел ответить, но посмотрел на начальницу, которая вышла вслед за слесарем.

- В другую сторону, - сказала она.

Антон пошёл к реке. Километра через два услышал за кустами шум двигателя. По верхней дороге микроавтобус двигался к Реченску.

Он не стал кричать. Наверное, делали крюк. У каждого свои распоряжения; водитель не обязан сажать попутчиков.

Только обед вдруг оказался ему платой за услугу, которой он ещё не понимал.

Глава восьмая. Слишком хорошая память

У Костровых сломался замок на двери, и Марина позвала Антона: муж работал в ночную смену. Пока он снимал личинку, Денис рассказывал про новую школьную учительницу. Она спрашивала, каким дети видят своё будущее, и Денис написал, что хочет быть шофёром дальнего следования.

- А папа кем хотел? - спросил он.
- Лётчиком, наверное.
- Папа сказал, механиком.
- Значит, механиком.
- А чего ты говоришь «лётчиком»?

Антон признался, что не знает. Мальчик удивился сильнее, чем если бы услышал ответ: взрослые могли не знать погоды или времени прихода автобуса, но о прошлом друг друга должны были помнить всё.

Внизу залаяла Дымка. Собака жила во дворе и принадлежала всем сразу. Михаил иногда приносил ей обрезки с мясного склада, поэтому она считала его главным.

За окном стояла группа приезжих. Мальчик в красной кепке присел к собаке и позвал по имени. Дымка подошла, понюхала руку, отошла к лопухам.

- Она не любит, когда сверху, - крикнул Денис. - Сбоку гладьте!

Мальчик поднял голову.

- А ты Денис?

- Ну.

- А вам шкаф вернули? Вы же говорили, что папа может обратно идти.

Антон перестал затягивать винт.

Марина вытерла руки о полотенце и подошла к окну.

- Ты чей будешь?

Высокий мужчина положил ладонь на плечо мальчику. Сказал что-то, чего наверху не расслышали. Мальчик возразил:

- А что? Она же сама тогда...

Мужчина резко поднял голову.

- Простите. Ребёнок перепутал.

Он повёл сына к воротам. Остальные двинулись следом.

- Что перепутал? - сказала Марина уже пустому двору.

Денис улыбался.

- Может, мы знакомые. Я не помню.

Марина закрыла окно, хотя в квартире пахло жареным луком. Антон проверил новый ключ. Снаружи он поворачивался легче, чем изнутри; пришлось ещё раз снять накладку.

- Ты чего молчишь? - спросила она.

- А что сказать?

- Миша всем рассказал?

- Про шкаф?

- Про всё.

Он посмотрел на неё. В чужой детской осведомлённости она прежде всего услышала публичность собственного унижения. Антон снова вспомнил лысеющего приезжего с просьбой повторить слова про хлеб.

- Может, кто на улице видел.

- На улице я не говорила, что ему можно обратно идти, когда захочет. Это я здесь говорила. На кухне.

Антон поставил замок на место.

- Может, он только про шкаф слышал.

- Но ты почему-то сразу понял, о чём я.

С ремонтом закончили поздно. Марина вынесла Антону деньги за личинку, потом ещё несколько купюр за работу. Он вернул вторую часть. Она не настаивала, только на мгновение перестала смотреть ему в лицо.

У выхода его догнал Денис. Попросил посмотреть велосипед: цепь всё время спадала. Антон спустился во двор, перевернул велосипед на руль. Мальчик держал колесо и рассказывал, что отца мальчика в кепке когда-то видел возле школы.

- Значит, знакомый, - сказал Антон.

- Может быть. Я не помню. Он тогда спрашивал, кем папа работает. Я сказал, а он засмеялся. Только не зло. Как учительница, когда ты правильно ответил.

- А ты рассказывал про шкаф?

Денис покачал головой.

- Про шкаф я не рассказывал. Я хотел собаку спросить.

Цепь была вытянута. Антон переставил колесо, подтянул гайки. Мальчик сидел на корточках совсем рядом, следя за ключом.

- Ты папу не ругай, - сказал он вдруг.

- За что?

- Ну, мама ругает. Потому что он обещал. А дорогу не он сломал.

Антон провернул педаль. Серая вода стекала с обода на песок. Над ними в открытом окне кто-то встряхнул половик; посыпались крошки, и Денис прикрыл голову ладонью.

- Я его не ругаю.

- Он сам себя ругает. Я слышу. Когда думает, что я сплю.

Антон поставил велосипед на колёса и попросил прокатиться. Денис отъехал до ворот, развернулся слишком резко, едва не упал. Сразу поднял руку: всё в порядке. Ему было важно показать, что он уже умеет обходиться без помощи.

Марина стояла на крыльце. Смотрела на сына, пока тот ездил кругами. Антон подошёл.

- Не говори Мише про приезжих, - попросила она.

- Почему?

- Не хочу ещё раз всё это. Он и так думает, будто я всем про него жалуюсь.

Антон хотел возразить, что рассказывать нужно именно Михаилу. Муж, ребёнок, дом - ему полагается знать. Но выражение её лица остановило. Она не скрывала важное решение; просто просила отложить ещё один тяжёлый вечер.

- Сам видел, - сказал он. - Я могу рассказать.

- Не сейчас.

Он согласился. Мальчик подъехал, счастливый, с мокрым пятном на штанине. Цепь держалась. Для него день закончился хорошо, и Антон на минуту почувствовал, что ради этого можно оставить без ответа что угодно.

По дороге он думал о матери. Ей тоже часто нужно было всего лишь, чтобы он не начал сегодня неприятный разговор. Завтра находилось другое препятствие. Он шёл домой с привычным ощущением выполненной полезной работы и впервые заподозрил, что этим ощущением слишком легко прикрыть то, чего не сделал.

Возле школы его окликнула Даша, воспитательница из детского сада. Несла рулон бумаги, который не помещался в сумку. Бумага развернулась от ветра, пришлось ловить вдвоём.

- Для праздника, - объяснила она. - У них в школе не осталось. Иду одалживать.

Антон помог скрутить рулон. Даша спросила, правда ли Костровы опять вернулись. Он кивнул.

- Жалко. Марина хоть решилась.

- Тебе здесь плохо?

Она посмотрела с удивлением.

- Мне хорошо. Работа, дети. Я бы только иногда ездила. Не навсегда. Почему у нас если хочется куда-то, значит, ты уже всем недоволен?

Антон не нашёл ответа. Сам спросил так же автоматически, как другие спрашивали его, кто ждёт Михаила снаружи.

Даша рассказывала, что хочет посмотреть большой музей. Для детей придумывает занятия по картинкам, а сама ничего из этого не видела. В городе проводили выставку репродукций, обещали поездку лучшим воспитателям. Список составляли, потом изменили, потом деньги направили на ремонт школы. Ремонт был нужен. С этим нельзя было спорить.

- Вот и не спорила, - сказала она. - Каждый раз есть что-то важнее. Как будто я должна дожидаться, когда во всём городе всё станет хорошо, и тогда можно будет один день на себя потратить.

Антон посмотрел на рулон. На бумаге уже лежали грязные следы его пальцев. Извинился. Даша отмахнулась: закрасится. У неё легко получалось не делать чужую ошибку главным событием.

- Я бы тебя свозил, - сказал он. - Если бы знал, как.

- Знаю. Ты бы всех свозил. Только себя не забудь.

Она улыбнулась и пошла к детскому саду. Антон проводил взглядом. Не женщина из большого мира, не смелая беглянка - человек, которого знал со школы, с обычным желанием провести день не по обязанности. Он никогда не считал, что такое желание может быть важным само по себе.

По дороге вспомнил школьную экскурсию на комбинат. Их водили вдоль станков, показывали работу взрослых, говорили, что здесь их будущее. Никто не утверждал, будто другого будущего нет. Просто другое не показывали. Позже оказалось, что для уверенности в единственном пути этого почти достаточно.

У дома он увидел мальчика из соседнего подъезда. Тот рисовал на асфальте большой автобус и стрелки, расходившиеся в разные стороны. Антон спросил, куда автобус едет. Мальчик ответил: куда угодно. Сказал легко, потому что на рисунке дорогу определял сам.

Антон поднялся к себе с неприятным чувством. Ему хотелось обвинить незнакомых приезжих в бестактности, но разговор с Дашей оставил более простой вопрос: когда он сам в последний раз всерьёз слушал, чего хотят знакомые люди, если это не было связано с работой и ремонтом?

Дома он долго осматривал радио. Снял заднюю крышку, проверил провод. Мать спросила, поймает ли теперь вечернюю музыку.

- Может, - ответил он.

В корпусе ничего лишнего не оказалось. Это успокоило его ненадолго, а потом стало стыдно: неужели он всерьёз решил, что чьи-то разговоры о шкафе кому-нибудь нужны?

Глава девятая. Вода под дорогой

К середине октября похолодало. Ливень пришёл после полуночи. Антона разбудила не вода, а голоса в подъезде. В подвале плавали доски; у Семёна Аркадьевича на нижней полке стояла картошка, и старик хотел спускаться за ней в тапочках.

Антон включил свет в прихожей, достал сапоги, велел матери не выходить из квартиры. Она подала ему отцовский плащ. Тот был тесен в плечах, зато не промокал.

В мастерской нашли только один переносной насос. Костров приехал на грузовике, привёз шланги. Диспетчерша кричала в трубку, что возле детского сада вода идёт через бордюр.

К трём часам стало ясно: насосами улицу не осушить. Перекрыт нижний водосброс, старый, за складской зоной. На новой схеме его обозначили заглушённым.

- Не заглушён, - сказал Антон. - Отец в девяносто восьмом делал. Там решётка.

- Тебе что, туда ночью идти? - спросил Михаил.

- А ждать, пока в квартиры зайдёт?

Михаил хотел поехать с ним, но подвал на соседней улице уже заливало до щитовой. Они разделились. Антон взял сумку с инструментами, ломик, верёвку и фонарь. Старую схему нашёл в шкафу под журналами ремонта.

За складами вода шла навстречу, коричневая, тёплая от земли. Забор на повороте повалило. Антон прошёл вдоль трубы, узнал каменную подпорку и спустился в ложбину. Диспетчер велела возвращаться: охрана сообщила об опасной зоне.

- Я у задвижки, - ответил он.

- Антон, тебя начальник просит.

Рация захрипела и умолкла. Он проверил батарею, ударил ладонью по корпусу и убрал её под плащ.

Задвижка была на месте. Колесо не поддавалось. Он вставил лом между спицами, потянул; металл скрипнул так, что зубы заболели. За перегородкой ударило. Вода потекла быстрее, захватывая листья и упаковочный пластик. Пластик был новый, блестящий; возле старых складов такого не должно было быть.

Антон прижал фонарь подбородком. Надо было убедиться, что решётку ниже не забило. Проход тянулся вдоль водосброса, потом уходил под бетонную стену. На схеме там значился тупик.

Перед входом в низкую галерею пришлось снять плащ. Он цеплялся за арматуру, и каждый рывок грозил оставить Антона в темноте: фонарь держался на ремне через плечо. Отцовская вещь легла на мокрый бетон тяжёлым чёрным комком.

Антон привязал плащ к трубе. Почему-то именно это показалось необходимым. Будто возвращение зависело от того, найдёт ли он потом свою одежду.

По воде плыло смятое ведёрко. Прижалось к решётке, повернулось и остановилось. Антон спустился на колено, поддел ломом ветки. Вода дёрнула за сапог, потянула вниз. Он упёрся локтем в бетон. На секунду показалось, что застрял: голенище зажал между прутьями. Он рванул ногу, вытащил и выругался вслух.

Отец в таких случаях велел сначала замереть. Однажды, ещё подростком, Антон провалился в старый колодец по пояс и начал бороться с крышкой, которая давила на куртку. Отец вытащил его за ремень, потом долго сидел на траве, не разговаривая. Ругать начал только дома. Тогда Антон считал молчание равнодушием. Теперь иногда вспоминал отцовские пальцы, белые на краю крышки.

Он остановился. Проверил, куда уходит поток. Там, за бетонным выступом, вода проседала резко, значит, нижний участок был свободен. Достаточно расчистить ближайшую решётку.

Работа заняла полчаса. К тому времени рубашка прилипла к спине, левая кисть почти не сгибалась. Рация молчала. Антон вытащил её, попробовал вызвать диспетчера. Услышал обрывок чужого разговора: «...восьмой сектор... по внешней...» Потом снова треск.

Он переключил канал. Голос исчез.

Восьмого сектора в их водоснабжении не существовало. Было пять участков, два резервных узла и старая ветка комбината. Антон объяснил себе, что рация ловит охрану: в плохую погоду случалось. Но слово «внешней» осталось в памяти, как плохо затянутая резьба, которую замечаешь при каждом движении.

Он вернулся ко входу, отвязал плащ от трубы и перекинул через руку. Воды возле входа стало больше. На бетоне, где недавно лежала тряпка, теперь катились мелкие камни. Поток разделился: часть уходила в лоток, часть - к проходу за стеной. Если там забьёт, вода снова вернётся к домам.

Антон поднял фонарь. Галерея уходила дальше, чем следовало из отцовских рассказов и старой схемы. На новой опоре висела бирка с печатной датой, совсем свежей. Кто-то работал здесь недавно. Не поставил отметки в журнале, не сообщил в диспетчерскую и не заменил аварийную решётку, к которой теперь приходилось лезть ночью.

Он разозлился. Эта злость была понятной, рабочей, помогала шагнуть вперёд. Позднее он много раз думал: если бы в ту минуту испугался больше, чем рассердился, вся его жизнь могла остаться за той же стеной.

Он дошёл до стены и увидел дверь.

Она была приоткрыта, ручку перехлестнула оборванная проволока. За порогом вода падала по ступенькам вниз. Антон посветил: лестница узкая, по стене кабель в новой пластиковой оплётке. Он спустился, нагнулся под трубой и вышел в технический коридор. Вода уходила в решётку у лестницы; дальше пол был сухим.

Сзади снова ударила вода. Возвращаться было опаснее, чем пройти вперёд. Он шёл, считая шаги; на сто двадцатом обнаружил свет под другой дверью.

Снаружи стоял автомобиль без водителя. Дождь почти кончился. За стеклянной стеной небольшого здания горели автоматы с напитками. Дальше поднимались фонари, каких Антон никогда не видел: тонкие, белые, с ровным светом.

Он обошёл здание. На асфальте лежала чужая карта города. Антон поднял её. На цветной схеме Реченск занимал маленький прямоугольник у реки; рядом был нарисован входной павильон.

Масштаб он прочёл дважды.

Рядом с его городом умещался ещё один - огромный, с десятками улиц, о которых за всю жизнь никто ему не говорил.

Глава десятая. Другая остановка

Автобус остановился сам. Антон стоял у дороги, собираясь спросить направление, но водитель открыл дверь и сказал, чтобы он скорее садился.

Внутри было тепло. Жёлтые поручни, обитые тканью сиденья, светящиеся цифры над лобовым стеклом. Двое пассажиров спали, девушка у окна водила пальцем по светлому прямоугольнику. Антон держался за поручень обеими руками: ноги начинали дрожать после ночной воды.

Водитель спросил про оплату. Антон протянул купюру.

- Мелочь есть?

- Есть.

Он отсчитал монеты. Оказалось мало. Пассажир за спиной приложил к маленькому устройству свою карточку.

- Езжай, реконструктор.

Антон хотел вернуть ему деньги. Тот отмахнулся и снова уткнулся в телефон.

За окном тянулись склады, потом высокие дома. В первых окнах уже загорался свет. Женщина с собакой ждала у пешеходного перехода, хотя на дороге никого не было. По широкой стене двигалась яркая реклама: чья-то ладонь проводила по идеально чистому столу, вслед за ладонью появлялась цена.

Антон сел, пока не упал.

На следующем светофоре автобус поравнялся с низкой стеклянной машиной. Женщина за рулём пила из картонного стакана. Рядом сидел мальчик, лет Дениса, и что-то сердито объяснял. Женщина слушала с таким знакомым отсутствующим выражением, что Антон почти успокоился. Здесь тоже не высыпались, раздражались на детей, ехали утром неизвестно куда.

Потом машина ушла вперёд, быстро и бесшумно, и сравнение распалось.

На экране автобуса сменились цифры. Антон попытался прочесть название остановки, но буквы уже уехали в сторону, уступив место рекламе. Он спросил девушку у окна, где находится городской отдел связи. Она сняла наушник.

- Какой оператор?

- Телефон. Позвонить.

Девушка посмотрела на его руку, пустую, грязную, потом на сумку.

- У меня зарядки мало, - сказала она и снова отвернулась.

Он не хотел брать её вещь, только узнать дорогу. Но объяснять пришлось бы громче, а за спиной уже прислушивались. Антон переставил сумку на другое плечо.

- Ему в салон надо, - подсказал мужчина, оплативший проезд. - На площади полно.

- До площади далеко?

- Ты серьёзно?

Человек улыбался. Антон кивнул. Улыбка медленно сошла.

- Через две выйдешь. Потом направо. Только там рано ещё.

В автобус вошла женщина с детской коляской. Механизм у двери опустил маленькую платформу. Водитель не вышел, не стал помогать вдвоём с пассажирами, не проклял устройств остановки. Женщина закатила коляску, подняла ребёнка упавшую варежку и заплатила. На всё ушло меньше минуты.

Антон подумал о матери. Как она выбирается из их подъезда: сначала выставить больную ногу, придержать дверь сумкой, отпустить перила там, где ступени заканчиваются слишком далеко от тротуара. Он столько раз собирался сделать небольшой съезд. Всё не было подходящего металла. Теперь смотрел на платформу и чувствовал злость, хотя никто перед ним ни в чём не был виноват.

За стеклом показался длинный ряд освещённых витрин. Магазины ещё не открылись; внутри уже работали люди. Молодой человек пылесосил пол и пританцовывал, держа шланг. Женщина расставляла на столе чашки. Другой человек вёл сразу трёх собак, запутавшихся в тонких поводках. Жизнь двигалась с такой уверенностью в собственной повседневности, что Антон перестал искать объяснение каждому предмету.

Он хотел запомнить дорогу назад. Считал повороты, отмечал цвет домов, но на втором квартале потерял счёт. Реченск он умещал в голове целиком. Этот город не умещался. За каждым перекрёстком продолжалось ещё что-то, и никто не сообщал, где кончается безопасная часть.

Когда мужчина махнул ему на дверь, Антон поблагодарил и шагнул на тротуар. Хотел спросить, куда дальше, но автобус уже закрылся. Остался только его грязный след на чистой ступеньке.

На углу было кафе, работавшее с шести. Из открытой двери пахло кофе и сладким тестом. Нужно было позвонить, предупредить мать, объяснить Михаилу, где он. На улице он не увидел ни одной телефонной будки.

У стойки девушка попросила его подождать с заказом. Он начал объяснять, что ему не еда нужна.

- Розетка там, - сказала она. - Возле окна.

- Телефон. У вас есть?

Девушка подняла голову. Посмотрела на плащ, который он нёс через руку, сапоги, грязную сумку. Её лицо стало настороженным.

- Если экстренно, могу вызвать.

- Мне домой.

За спиной кто-то негромко присвистнул. Антон обернулся. Мужчина в спортивной куртке смотрел на него, потом на экран над стойкой.

На экране была их улица.

Антон узнал наклонённую берёзу, свой подоконник, ведра у подвального окна. Семён Аркадьевич переставлял мокрые ящики. Внизу шла надпись: «После ночного дождя. Реченск сегодня».

Из магазина вышла мать. Сумку держала в левой руке, правой поправляла платок. Остановилась возле бордюра, выбирая, куда поставить больную ногу.

Антон шагнул к экрану.

- Это сейчас?

Девушка не ответила.

- Это сейчас идёт?

- Вроде прямой, - сказал мужчина за спиной. - А что?

На экране мать наклонилась к сумке. Движение было слишком знакомым: если в ней лежало что-то тяжёлое, она сначала передвигала ручки поближе к плечу и лишь потом выпрямлялась. Камера приблизила её лицо.

- Не надо, - сказал Антон.

Никто не понял, кому он это сказал. Девушка достала телефон. Мужчина перестал улыбаться.

На экране мать наконец подняла сумку и пошла домой. Антон видел, как она оглянулась на мастерскую. Искала его машину.

Он не знал, за какой край этого утра взяться, чтобы вернуть всё обратно.

Часть вторая

Обыкновенный мир

Глава одиннадцатая. Вы из какой серии?

Кофе ему всё-таки дали. Антон не просил, но девушка поставила перед ним чашку и стакан воды. Мужчина в спортивной куртке предложил сфотографироваться, потом, увидев его руки, убрал телефон.

- Дружище, ты чего? Тебя там затопило?
- Мать дома одна.
- Так позвони.

Антон назвал номер диспетчерской. Девушка набрала. Номер оказался недоступен. Она попробовала добавить код города, спросила, какого именно. Антон ответил: Реченска. Мужчина со спортивной сумкой отвёл глаза.

- А у вас свои, да? Внутренние.

К ним подошёл человек в куртке с небольшой эмблемой на груди. Заказал два стакана кофе, собирался уходить и заметил сапоги Антона.

- Вы из комплекса?
- Я из Реченска.
- В какой смене?
- Я на аварии.

Человек поставил кофе на стол. Сел напротив.

- Как вышли?

Антон объяснил. Незнакомец попросил показать карту. Когда увидел, откуда тот пришёл, коротко выругался и позвонил кому-то.

- Нашёлся. Живой. На Нижней... Нет, нормально. Подожди с машиной.

Он представился Павлом. Спросил, нет ли ранения, предложил сухие носки. Антон отказался. Сапоги снимать при людях казалось неприличным, хотя с брошенного на спинку стула плаща уже натекло на пол.

- Мне назад надо.
- Сейчас машину организуем.
- Только матери скажите.

Павел помолчал и снова позвонил. Говорил коротко, негромко. После его звонка у Антона впервые сошлись в голове две вещи: экран и то, что этот человек может передать матери весть быстрее, чем он сам.

- Вы нас снимаете?
- Я техник.
- Вы снимаете?
- Объект снимают. Там условия... Вы же подписывали.

Антон смотрел на него. Павел потер переносицу.

- Вы в какой серии были? Где водопровод? Я не всё смотрю.
- Я на водопроводе работаю.

Девушка за стойкой принесла полотенце для стула. Антон поднялся, но она сказала, что не об этом: пусть положит на плечи, рубашка мокрая. Звали её Катей. На маленькой табличке под именем был нарисован улыбающийся стакан.

- Может, врача? - спросила она Павла.

Антон ответил раньше него:

- Я не больной.
- Катя подняла ладони.
- Я вижу. Вы замёрзли.

Он сел обратно. В её голосе не было скрытого смысла, но ему уже везде слышался. Мужчина со спортивной сумкой рассказал, что его самого однажды после ночной смены приняли за бездомного. Пошутил, что нужен хотя бы чистый воротник, иначе в этом городе не разговаривают.

Павел взглянул на него, и тот умолк.

Экран продолжал показывать Реченск. Мать исчезла из кадра; на площади женщина мыла стекло киоска. Антон не знал её имени. Раньше мог не здороваться, если спешил, а теперь с отчаянной нежностью смотрел, как она выжимает тряпку. Хотелось предупредить, чтобы отступила, не наклонялась так близко к камере. Но женщина работала в собственном городе и не ждала опасности от того, что её видно.

- Выключите, - попросил он.

Катя взяла пульт. Вместо Реченска появилась утренняя программа: двое ведущих спорили о погоде. От лёгкости, с какой одна жизнь заменилась другой, Антону стало дурно.

- Можно другое? - спросила она.

- Можно ничего.

Экран потемнел. В чёрном стекле отразилась маленькая кофейня, он сам, Павел у стола. Несколько секунд Антон не мог смотреть и туда.

Мужчина со спортивной сумкой собрался уходить. Прежде чем взять вещи, спросил негромко:

- Вы там всерьёз жили? Не по контракту?

Антон кивнул.

Человек долго застёгивал куртку. Потом сказал, что у него жена всегда смотрит такие передачи, считает их спокойными. «От плохих новостей отдыхает», - добавил он и сам услышал, как это прозвучало.

- Я её попрошу, - начал он.

- О чём? - спросил Антон.

Мужчина не ответил. Пожал руку Павлу, хотя прежде они не были знакомы, и ушёл.

Катя забрала остывшую чашку. Спросила, что ещё нужно. Антон сказал, что ничего. Она осталась стоять; по лицу было видно, как хочет найти подходящие слова. Потом просто принесла бутерброд, завернутый в бумагу.

Антон не сразу взял. Ему впервые за утро хотелось есть, но согласиться означало признать, что он здесь надолго. Павел не торопил. Сидел рядом, пил уже холодный кофе, а телефон его всё время светился на столе.

В кафе вошли двое школьников. Один остановился, ткнул второго локтем. Они достали телефоны. Павел встал так, чтобы закрыть Антона спиной.

- Пойдёмте ко мне. Тут рядом.

Антон поднялся. Дрожь после ночи вернулась с такой силой, что пришлось держаться за спинку стула.

- За кофе сколько?

Девушка за стойкой покачала головой. Он достал мокрые деньги, оставил на столе, но она догнала у двери и вложила их ему в ладонь.

- Оставьте. Пожалуйста.

На улице Павел шёл немного впереди. Не держал его, не торопил, только иногда оглядывался. Антон следовал за ним и смотрел на окна домов: за каждым жили люди, которые знали, где находятся. От этой простой мысли становилось трудно дышать.

Глава двенадцатая. Под левым крылом

Мастерская располагалась в подвале. Возле входа сушились провода, на столе лежали отвёртки, знакомый набор ключей и разобранный электрический чайник. Антон сел на табуретку. Среди всего непонятного инструменты не требовали объяснения.

Павел принёс носки и рабочие брюки. Поставил таз.

- Сапоги просушим. Я отвернусь.

Пока Антон переодевался, Павел снял со стеллажа коробку, вытащил маленький прибор, потом снова убрал. На дне что-то блеснуло.

- Покажи, - сказал Антон.

Павел посмотрел на него.

- Там камера. Вы же спрашивали.

Он достал птицу.

Сухая, без капель на гладком оперении, она казалась игрушкой. В нижней части корпуса торчал разъём, левое крыло держалось на одном винте. На кронштейне виднелась белая краска. В ней отпечатался палец.

Антон подошёл к столу. Совместил свою ладонь с отпечатком, хотя тот был слишком мал для всей ладони. Поднёс большой палец. Вспомнил, как вытирал с него белую краску.

- Вчера забрали, - сказал Павел. - Мотор шумел. Я замену поставил.

Антон положил птицу на бок.

- Здесь у нас окна.

- Обзор ограничен. По инструкции только общая территория.

- Там кухня.

Павел промолчал. Потом повернул корпус и показал маленькое тёмное стекло возле глаза. Провёл провод к экрану. На экране возникло изображение стола, перевёрнутое набок. Антон увидел свою руку - огромную, чужую, с растрескавшейся кожей вокруг ногтя.

Он убрал руку. Изображение изменилось сразу.

- Сколько их?

- Птиц? Двенадцать точек. Ещё фонари, фасады. Я не всю систему обслуживаю.

- Кто смотрит?

- Платформа. Подписчики. Гости. Разное есть.

- И мать?

Павел выключил экран.

- Я думал, вы знаете.

Антон сел обратно. Рядом в тазу стояла вода, потемневшая от грязи. Он вдруг заметил, что один носок надел наизнанку, и долго не мог решить, надо ли его снимать.

- Мне с утра говорят, будто я знаю, - произнёс он наконец. - Может, я и правда знал? Только как-нибудь не так?

Павел отодвинул птицу подальше.

Павел выдвинул ящик. Достал новую деталь, положил возле разобранного крыла.

- Я тебе сейчас покажу, что она умеет. Чтобы ты лишнего не додумывал.

Антон поднял голову. Павел впервые перешёл на «ты» и будто сам не заметил.

- Она не летает. Сидит на опоре. Питание в кронштейне, запись идёт через узел. Голову поворачивает, увеличение слабое. В окне лицо снять может, если свет правильно стоит. За стеной ничего не видит.

- Звук?

- Есть. На улице хороший. Ветер мешает. Закрыто окно - почти ничего.

Он показывал детали честно, без привычного желания специалиста удивить незнакомого человека. Антон понимал, что это попытка вернуть миру размеры: вот корпус, вот провод, вот предел возможности. Всё ещё было страшно, однако уже не казалось, что кто-то забрал и его мысли.

- Дома не ставят? - спросил он.

- В жилых - не на моём обслуживании. Есть помещения с отдельным согласованием. Я список не видел. Могу узнать.

- Ты же сказал, ничего не знаешь.

Павел поморщился.

- Я не знал, что тебе не объяснили. Про железо знаю. И про правила слышал. Только правила читать и на деле проверять - разные работы. Я делал свою.

Он сел, положил деталь обратно.

- Был случай, женщина просила повернуть камеру от окна. Я заявку передал. Мне ответили, зона общественная. Я принял ответ. Даже не сходил посмотреть. Сейчас вот вспомнил.

Антон узнал историю. Тамара Ивановна два года назад говорила, что приезжие всё время останавливаются под спальней. Жаров велел не ходить по квартире в халате с открытым окном, если смущается. Все тогда смеялись: какая же Тамара Ивановна в халате, она и мусор выносить причёсанная идёт.

- И ты тоже смотрел? - спросил Антон.

Павел кивнул.

- Редко. Мне после работы опять в эти дворы не хотелось.

- Ты мог бы не говорить.

- Мог.

Они посидели молча. Под столом сохли сапоги, над ними висела тяжёлая куртка. Антон вдруг заметил, что Павел тоже устал: одна щека в следах от воротника, глаза красные. Работал ночью, как он сам. Только один видел на экране управляемую территорию, а другой пытался спасти дом матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.